

Татьяна Кузнецова

К. Улманис: миф и человек

XX век ознаменовался «восстанием масс»¹, предельная степень проявления которого еще не достигнута². Это процесс тотально-глубинный, среди феноменальных знаков коего, думается, можно назвать увлеченность идеей всеобщего блага (ее модификации, например, идеи счастья трудящихся; материального и духовного благополучия латышского крестьянства/народа; демократии и свободы), унификацию в области социально-политических установлений и мысли, политико-правовой нигилизм, мифологизацию истории и биографий конкретных лиц. Один из таких мифологизируемых исторических деятелей – Карлис Улманис, о котором его молодой коллега по партии и по работе в IV Сазиме³ (1931–1934), впавший в немилость, но не потерявший почтения к нему и благодарной памяти, Я. Лейиньш в мемуарах, написанных уже в эмиграции (правда, на основе дневниковых записей), сказал: «К. Улманис родился с трагедией, и трагедией закончилась его жизнь в чужой земле, неизвестном месте»⁴.

До 1934 г. не появлялись биографии человека, имя которого нераздельно сольется со временем существования Латвийского государства (Первой республики), причем независимо от оценки этого времени и лица, его представляющего. О последнем свидетельствуют, например, создаваемые сегодня источники устной истории. Так, в рассказах о своей жизни люди, родившиеся в 20-е годы, вспоминают: «Лучше всего было при Улмане⁵», или «...люди боялись той нищеты, что перенесли хоть во время Улманиса⁶». В значительной мере слитность времени и лица (главы государства) в повествованиях тех, чьи детские годы прошли в Первой республике, являются результатом тогдашней целенаправленной и весьма интенсивной политики в области воспитания народа, и прежде всего юношества. Лишь один из фактов – в 1938 г. вышел уже пятым изданием сборник статей и их фрагментов К. Улманиса «Jaunatnei», адресованный начальной школе. Его составил Я. Лапиньш не скрывал главного мотива при отборе материала: «Во имя будущего нашего народа мы можем требовать, чтобы уже в школе наша молодежь ознакомилась с духом единства государства и пламенным патриотизмом...»⁷ Поэтому автор соединил в этом сборнике небольшие выдержки, которые маленькие дети могут выучить наизусть, и большие – читать в VI классе с помощью учителя. Кроме того, он придал ритмизованную форму некоторым прозаическим текстам (фрагментам «Zem Latvijas karoga» («Под знаменем Латвии»), «Skaista ir mūsu tēvzeme» («Прекрасно наше отечество») и др.), которые ученикам надо было знать наизусть⁸. 1934 г. был годом государственного переворота, которому сам К. Улманис придал статус «начала начал» (т.е. мифическое время).

18 мая 1934 г. в радиоречи, обращенной к стране, он заявил: «Мой народ, соотечественники и соотечественницы! Уже сегодня мы можем сказать, что 15 мая начинается важный этап в истории независимости Латвии. Этот день обозначает величайший перелом в жизни латышского народа [начиная] с 18 ноября 1918 года, когда народ обрел свое государство. Сейчас народ обрел сам себя. Мы снова едины, сыновья и дочери одной земли»⁹. Декларативно радикальный переворот, со временем утративший «обаяние» обновленной жизни в глазах своих современников, оказавшихся вне Латвии после 1944 г.¹⁰, открыл поток биографических сочинений, посвященных К. Улманису. Не отличаясь оригинальностью, подробностью и красочностью жизнеописания, они задавали достаточно жесткие рамки нарратива, устанавливали его «общие места», не только формирующие представления о К. Улманисе, но и неявно указывавшие на некоторые его личностные особенности.

Из всего возможного спектра вопросов, связанных с мифологизацией биографии К. Улманиса, в данной работе будут рассмотрены лишь некоторые: творцы мифа и корпус мифологизирующих текстов; средства создания мифа и черты создаваемого образа.

Итак, кто же стал автором (авторами) соответствующего мифа? По степени близости к К. Улманису и Латышскому крестьянскому союзу, на съездах которого роль этого человека была отнюдь не пассивной¹¹, первым следует назвать поэта Э. Вирзу. Кроме того, написанная именно им и увидевшая свет в 1935 г. монография «Kārlis Ulmanis»¹² была переиздана в 1955 г. в Копенгагене¹³ и является наиболее часто цитируемой¹⁴. Косвенным подтверждением официально признанной значимости Э. Вирзы является его биография, помещенная в издании «Es viņu pazīstu» («Я его знаю») ¹⁵. Будущий поэт и лауреат награды Отечества родился 27 декабря 1883 г. в Салгалской волости на хуторе «Билдитес» (Земгале). Он окончил городскую школу в Бауске, учился в Московском университете и в Париже. Первые стихи опубликовал в 1906 г., а через год вышла в свет его первая поэтическая книга «Viķeris» («Кубок»). Вирза был журналистом ряда газет: «Tautas Balss» («Народный голос»), «Latvijas sargs» («Страж Латвии»), «Brīvā Zeme» («Свободная земля»). Последняя газета – печатный орган Латышского крестьянского союза; руководителем ее литературного приложения Вирза стал в 1939 г. Он много писал по вопросам культуры, национальной идеологии, искусства и литературы, и соответствующие статьи собраны в книге «Laikmeta dokumenti» («Документы эпохи»). Статьи о верховном политическом и духовном руководстве составили содержание второй книги Э. Вирзы – «Zem karoga» («Под знаменем»). Помимо того, он переводил французскую лирику, романы и пьесы, редактировал

сборник статей, посвященный памяти З. Мейеровицса, не отказывался и от прозаических сочинений: его прозаическая поэма «Straumēni» («Страумены»), опубликованная в 1933 г., уже к 1942 г. выдержала 10 переизданий¹⁶.

Подобной социальной активностью, хотя и не сочетающейся с поэтическим даром, сравнимым с талантом Э. Вирзы, отличался Я. Лапиньш, также удостоенный биографии в официальной «табели о рангах» и определенный ею как «писатель, директор Рижской городской 1-й гимназии, один из первых пропагандистов независимости Латвии»¹⁷. Время и место его рождения: 25 июня 1885 г., хутор «Пинтули» Веселавской волости (Видземе). Он окончил местную волостную школу, приходскую школу в Рауне, учился в реальной школе в Цесисе и Валмиере, окончил педагогическое отделение Московского коммерческого института, изучал филологию и философию в Москве, Вене, Лейпциге и в 1905 г. получил права учителя, после чего преподавал в Цесисе, Риге, Валке, Валмиере. В 1917 г. Я. Лапиньш основал Народный университет в Валмиере, служил директором Елгавской гимназии, Тукумской коммерческой школы и гимназии. Был также членом президиума Видземского Земского совета. В 1919 г. учредил газету «Zemgalietis» («Земгалец») и являлся ее редактором; с 1936 г. он редактировал журнал «Sējējs» («Сеятель»), был автором многих публицистических и критических статей, а также школьного учебника по географии.

Еще один писатель, подвизавшийся на почве политического мифотворчества – А. Гринс, родился 15 августа 1895 г. в Биржской волости на хуторе «Зиеди» (Видземе). Окончив реальную школу в Цесисе и военную школу в Москве, он стал изучать медицину и историю в Латвийском университете. В отличие от своих вышеназванных коллег по перу А. Гринс¹⁸ участвовал в освободительных боях (1918-1920) и вышел в отставку в чине капитана. Он был руководителем Рижского отделения военной цензуры, активно работал в редакциях таких газет, как «Latvijas Kareivis» («Воин Латвии»), «Rīgas Ziņas» («Рижские известия»), «Brīva Zeme», был ответственным редактором газеты «Rīts» («Утро»). Перу этого писателя принадлежит как ряд романов («Nameja gredzens» – «Кольцо Намея», удостоенный награды фонда культуры; «Tobago» («Тобаго» и др.), так и «исторические штудии» (в изложении официального издания «Es viņu pazīstu») – «Varonu grāmata» («Книга героев») и «Trīs gadsimti un trīs varoņi» («Три столетия и три героя»). Разброс его выступлений в прессе весьма велик – от литературных эссе до статей по вопросам внешней политики. Характерно наличие среди творцов мифа о К. Улманисе достаточно молодых людей, к которым можно отнести, во-первых, писателя и редактора Общественно-культурного департамента (к 1939 г.) А. Франциса¹⁹, родившегося 5 декабря 1905 г. в Вепгулбенской волости на хуторе «Аболини» (Видземе). Он окончил Смиленскую гимназию и учился на математическом факультете Латвийского университета. Несмотря на отсутствие профессионального исторического образования, он стал исследователем старины, заняв также пост заместителя начальника общества исследователей древностей Латвии.

Во-вторых, к этой же группе принадлежит публицист

Ж. Унамс, появившийся на свет в семье ремесленника 19 июня 1902 г. в Сесавской волости (Земгале)²⁰. Ему удалось окончить не только волостную школу, но и классическую гимназию в Елгаве, а затем и учительские курсы. Подобно другим своим коллегам, Ж. Унамс лишь изучал теологию и право в Латвийском университете. Он работал учителем в основной школе и гимназии, однако главная сфера его деятельности – публицистика. Так, с 1923 по 1935 г. Ж. Унамс являлся членом редколлегий и редактором многих газет и журналов, в том числе редактором биографического словаря «Es viņu pazīstu». К 1939 г., занимая вполне рядовую должность заведующего 10-й Рижской городской библиотекой, он сумел написать 12 книг, 3 из которых были награждены премией Кр. Баронса в 1933 и 1934 гг., более 1000 статей для газет и журналов («Izgītības Ministrijas Mēnešraksts» – «Ежемесячник Министерства образования», «Brīva Zeme» и др.). И, наконец, самый юный в когорте лиц, причастных к созданию мифа о К. Улманисе, – В. Цедриньш²¹, тоже писатель, родившийся 19 декабря 1914 г. на хуторе «Скуяс» Валмиерской волости в семье ремесленника. Окончив государственную гимназию в Валмиере, он с 1938 г. являлся ответственным редактором газеты «Tēvijas Sargs» («Страж отечества») и информатором художественной части «Brīva Zeme». В его активе были составленные им антология «Ziemas dziesmas» («Зимние песни») и сборник статей «Kārļa Ulmaņa 60 gadi» («60 лет Карлиса Улманиса»).

Таким образом, внешне всех их связывает газета Латышского крестьянского союза «Brīva Zeme», и все участвующие в жизнеописании К. Улманиса, были людьми, созидающими информационное пространство, которое не только наполняет содержанием человеческую мысль²², но и задает парадигмы и стереотипы миропонимания, закладывает в подсознание образ мира и модель жизненного поведения человека. Авторы мифа о К. Улманисе объединяют, помимо прочего, отсутствие законченного высшего образования, повышенная социальная мобильность, граничащая с неприкаянностью, и активность, близкая к всеядности, червоточной непрофессионализмом, наконец, возраст – средний или молодой. Такие жизненные обстоятельства психологически могли подвинуть к мифологизации лица, уже обладающего властными позициями в обществе, поскольку именно миф способен дать человеку возможность эмоционально чувственно воспринимать мир как целостность и свое единство с ним, что, в свою очередь, повышает ощущение защищенности, стабильности, комфорта индивидуального существования.

Однако усилия не всех прижизненных биографов К. Улманиса были в равной степени оценены официально. Издание «Es viņu pazīstu» включило в список литературы о К. Улманисе писания Я. Лапиньша и Ж. Унамса, Э. Вирзы и юбилейный сборник к 60-летию вождя²³. Как следует из данного биографического словаря, первое жизнеописание К. Улманиса появилось из-под пера Ж. Унамса и Я. Лапиньша. В 1934 г. первым изданием, а в 1936 г. – вторым вышло в свет их совместное сочинение «Tautas Vadonis Kārlis Ulmanis»²⁴ («Народный вождь Карлис Улманис») весьма небольшого объема – в 74 страницы, состоявшее из двух частей: первая, написан-

ная Ж. Унамсом, «Kārlis Ulmanis: biogrāfiska studija» («Карлис Улманис: биографическая студия»), вторая – Я. Лапиньшем, «Skats uz Kārļa Ulmana socialām domām» («Взгляд на социальные мысли Карлиса Улманиса»).

Отметим, что название первой части коллективного труда («студии») неявно указывает на глубину и неисчерпаемость личности, на описание которой решаются, второй же – на желание автора представить К. Улманиса мыслителем.

Показательна участь другой, более объемной и насыщенной конкретным содержанием биографии К. Улманиса, созданной А. Францисом. В 1937 г. в девятой тетради журнала «Aizsargs» («Защитник») она была опубликована под заголовком «Latviešu tautas vadoņa 60 gadi: Valsts un ministru prezidenta Dr. Kārļa Ulmaņa dzīve un darbi» («60 лет вождя латышского народа: жизнь и труды президента государства и министров, доктора Карлиса Улманиса»). Это издание дополнялось 48 выразительными и продуманно размещенными фотографиями. В качестве монографии под названием «Latviešu tautas Vadoņa 60 gadi» работа была перепечатана в собрании трудов, приуроченном к юбилею К. Улманиса²⁵, который в 1938 г. был выпущен уже в третий раз. Кроме того, в русском переводе, снявшем в названии работы узкоэтнический момент, именно эта биография публиковалась на страницах «Газеты для всех»²⁶. Но при этом официальный биографический словарь «Es viņu pazīstu» в список литературы о К. Улманисе произведение А. Франциса не включил, что свидетельствует о неодобрительном отношении к нему самого К. Улманиса, инициировавшего и курировавшего подготовку и издание данного словаря. Неявно, но впечатляюще выраженное официальное отторжение текста А. Франциса может указывать на некоторые черты самосознания К. Улманиса, на то, каким он сам хотел видеть и чувствовать себя. Сочинение А. Франциса отличается от ряда подобных избыточной конкретизацией (имена, даты, места) и даже слишком частым употреблением личного имени Карлиса Улманиса, что подчеркивает «человечность» героя, представляет его первым, но сопоставимым с другими, в отношении с которыми он включен, и потому сокращает дистанцию между ним и «счастливым народом».

Во всех биографиях К. Улманиса, написанных в Латвии при его жизни, нет точных ссылок на источники информации, что придает ей абсолютный, не подлежащий верификации характер. Подобный способ изложения материала, в том числе – цитирования, является средством и составной частью формируемого мифа.

Судя по официально признанному списку литературы о К. Улманисе, парадигмальное значение придавалось опусу Ж. Унамса и Я. Лапиньша, в котором индивидуально-личностные проявления персонажа предельно минимизированы. Во-первых, К. Улманис предстает почти вне системы человеческого общения, базирующегося на взаимных отношениях. Об этом говорит редкость имен, встречающихся на страницах книги, и контекст их появления.

Так, Ж. Унамс называет отца и мать героя – Индрикис и Лизете, братьев – Янис и Индрикис, первых учителей – Кристаса Цирулиса и Штолцера. Цирулису во всех биографиях К. Улманиса всегда будет уделяться заметное место, «отражающее» значимость его в жизни

вождя. Показательно, что в благодарной памяти К. Улманиса останется лишь начальная школа²⁷ и ее учитель, относящийся к человеку как маленькому, слабому, а потому нуждающемуся в заботе, опеке, поучении, и вызывающий восхищение своим многознанием. Не будучи вытесненными впоследствии встречами с другими учителями, эти детские впечатления²⁸, вероятно, повлияли на формирование отношения К. Улманиса к людям, свидетельствующего о его самосознании: он – Наставник жизни, знающий, что и как, и способный/призванный дать счастье народу – предмету своей любви и заботы²⁹. В то же время немало сделавший для К. Улманиса и способствовавший карьере его как очень популярного агронома, точнее инструктора по молочному животноводству, Х. Энзелиньш лишь один раз упомянут в этом биографическом сочинении. Причем он назван в качестве того, кто содействовал распространению Балтийским обществом сельских хозяев в Валмиере (Х. Энзелиньш возглавлял это общество) статей молодого публициста³⁰, что указывает на ведущую роль именно К. Улманиса. Вся креативная энергия, инициатива приписана К. Улманису с помощью глаголов действительного залога. Страдательный залог, весьма широко распространенный в латышском языке, встречается лишь тогда, когда подчеркивается судьбоносная предрешенность появления К. Улманиса: «У Индрикиса Улманиса было три сына: Янис, Индрикис и Карлис, которому было суждено стать руководителем жизни государства крестьян»³¹.

Подобные лексические средства описания лица, заметное равнодушие к хронологии и локализации в определенной мере выводят К. Улманиса за пределы конкретного времени и пространства. Он приобретает надмирный, надвременной статус, наделяется чертами демиурга, творца времени, государства, народа, из которого, как из почвы, вырос, мысли, мечтания, невысказанное коего угадал, причем не только артикулировал, но и воплотил в жизнь. «Великие мужи – это гордость и честь народа. Великие мужи творят время и жизнь своего народа, вводят в новый этап развития. Как пророки, они ведут свой народ навстречу лучшему будущему, формируют судьбы народа»³², – таково «прокрустово ложе» образа К. Улманиса. Время, созданное творцом, обретает характер мифического – первотворения: «Это первая эпоха под солнцем, когда латышские племена объединились в одну общую нацию, у которой впервые есть также свое единое государство. А организатор жизни этого государства латышей и главный руководитель – Карлис Улманис»³³. Декларируемое положение демиурга – творца времени, государства, жизни, – в принципе исключает биографические подробности и саму постановку вопроса о том, почему именно этот человек оказался на вершине политической власти. Таким образом, придавая временному статус надвременного, закладывались основы для квазирелигиозного почитания культа К. Улманиса. Креативная энергия демиурга распространяется и на человека. К. Улманис в описании Я. Лапиньша предстает автором новой идеологии, призванной сформировать новый тип человека: «К. Улманис ищет критерии человеческой деятельности; ищет новые догмы и во всех делах ищет новый тип человека, который посмел бы быть одарен-

ным способностями к великому свершению»³⁴. Компонентом этой новой идеологии делания, в оценке Я. Лапиньша, является, во-первых, апология труда³⁵. При этом утверждается самоценность самого процесса труда, который должен захватить человека³⁶. Если же какая-либо работа кажется человеку непривлекательной, то следует заняться самовнушением и не искать иного. Такая установка, насаждая представление о стабильно неизменном, статичном обществе, формирует человека – исполнителя, коему неведомо «чудо творчества»³⁷.

Во-вторых, компонентом данной идеологии выступает апология решительности как необдуманности и безоглядности, которые вытесняют интеллект и подменяют его порывом, в основе которого – концентрация воли и чувства. Так, Я. Лапиньш подчеркивает, что «Улманис учит молниеносной решительности, которая нужна в военное время... Необходимы не промедление, не основательное раздумье, а незамедлительная решимость, благородное, отчаянное геройство, чтобы увидеть свое дело свершившимся»³⁸. Но столь же необходимым оказывается ограничение «порыва делания», причем не сам человек должен осознать и установить для себя некие пределы – ему предлагают следовать определенным нормам: «Человек без нравственности, без честности, без рыцарственных инстинктов, но вооруженный способностью великого делания может стать чудовищем для своего народа. Делание само по себе голо, холодно и несимпатично. И поэтому К. Улманис ищет... новые догмы...»³⁹.

И, наконец, еще один компонент этой новой идеологии (в изложении Я. Лапиньша) – апология весьма своеобразно понятой социальности человека. Социальное интерпретируется как отрицание значимости индивидуально-личностного «Я». Я. Лапиньш подчеркивает в своем тексте: «Здесь крестьянский сын является уже социальным, любящим государство, целиком принадлежащим своей земле человеком, который готов на величайшие жертвы»⁴⁰.

Так К. Улманис предстает создателем новой системы ценностей, жизненных ориентиров человека, без принятия и усвоения которых нет общества. Поэтому не случайным кажется сравнение К. Улманиса с пророками, а через них – соотнесение и с Богом, пронизывающим, охватывающим весь мир. Подобному, вербальными средствами создаваемому образу К. Улманиса соответствует, например, фотографический коллаж, помещенный в официальном издании – сборнике с названием, подтверждающим вывод об актуализации мифического времени первотворения – «Pirmais, gads. 1934.15.V. – 1935.15.V» («Первый год»)⁴¹.

Таким образом, жизнеописание К. Улманиса, созданное Ж. Унамсом и Я. Лапиньшем, превращало человека в предмет религиозного почитания, что косвенно свидетельствует о поверхностной христианизации латышей, не исключающей, в силу своей неглубокости и неотрефлексированности, придание временному и конечному статус надвременного и надмирного. В политическом отношении попытку консолидировать общество с помощью архаизирующей идеологии едва ли можно признать успешной и адекватной «вызову времени». Окончательный, авторизованный вариант

биографии К. Улманиса, отразивший в определенной мере его самооценку, сформировался к 1939 г. и изложен в биографическом словаре «Es viņu pazīstu» (см. Приложение).

Предельно выхолощенным, лишенным жизненных деталей, представляющим К. Улманиса в качестве единственного источника закона и благополучия страны является его жизнеописание в данном издании. Сам отбор информации, характер ее изложения свидетельствуют о политико-правовом нигилизме, о своеобразном романтизме, в частности о мире как результате волеизъявления одной личности – Творца.

Мифологизация биографии К. Улманиса вербальными текстами сопровождалась также визуальными (фотографиями), отражавшими кинетический компонент мифа. Подобно раннесредневековым королям, К. Улманис регулярно совершал поездки по стране⁴², причем для его встречи возводили так называемые «goda varti» («врата почета»), известные как элемент свадебного обряда, например в XIX в. у западных финнов⁴³, в Южной Швеции⁴⁴, и сохраняющиеся в качестве такого и сегодня в Латвии (в Латгале). На пути его встречали и осыпали цветами девочки, одетые в белые платья, дарили пышные венки⁴⁵.

Запечатленный на фотографиях ритуал встречи (именно они были широко тиражируемы) воспроизводил древний обряд обручения правителя/жениха с землей/народом,⁴⁶ распространенный и в практике других стран и народов (ср. «Обручение дожа Венеции с морем»). Это еще раз указывает на актуализацию восходящих к мифологическому типу мировосприятия / мышления стереотипов.

Составной частью мифологизации истории и биографии конкретных лиц является искажение реалий, которое, будучи неоднократно репродуцируемым, становится «общим местом», т.е. безусловной, неизменной данностью, не подлежащей верификации. К таким «общим местам» относится, во-первых, окончание К. Улманисом реальной школы⁴⁷ в Елгаве. Во всех публикациях, за исключением критической биографии К. Улманиса, написанной Э. Дунсдорфом в эмиграции и изданной в 1978 г., утверждается, что К. Улманис в 1896 г. закончил Елгавскую реальную школу⁴⁸. К тому же Э. Вирза и А. Францис подчеркивают: К. Улманис после окончания Александровской городской школы в Елгаве поступил в шестой класс реальной школы. Не сходятся биографы и в том, что делал К. Улманис после окончания этой школы. Так, если Э. Вирза сообщает, что он долгое время прожил у отца в Пикшах⁴⁹, то в биографии, изложенной в «Es viņu pazīstu», подчеркнуто: осенью того же года (1896) отправился в Восточную Пруссию и в следующем году окончил там курсы молочного хозяйства (см. Приложение 2). Я. Лапиньш же в своей монографии пропускает данный эпизод, но акцентирует внимание на оказываемой К. Улманисом помощи брату.⁵⁰

Подобные разночтения вкупе с отсутствием воспоминаний о К. Улманисе его соучеников по Елгавской реальной школе указывают не только на сомнительность пребывания его в этой школе, но и на нечто малоприятное и одновременно лестное для него (с одной стороны, можно почувствовать желание завуалировать

этот эпизод жизни, с другой – подчеркнуть наличие законченного среднего образования), что, быть может, приоткрывается в воспоминаниях Кристаса Цирулиса. Он рассказал, что из его школы будущий Президент (Карлис Улманис) перешел в русскую школу – Александровскую городскую школу в Елгаве. После этого год провел в какой-то рижской школе и тогда поступил в Елгавскую реальную школу. Из Александровской школы он хотел попасть в четвертый класс Елгавской реальной школы, но директор его допустил только в третий. Это К. Улманису не понравилось и, год проучившись в Риге, он в следующем году сдал экзамен и поступил в реальную школу.⁵¹ Примечательно также отсутствие упоминания К. Цирулисом факта окончания К. Улманисом этой школы. Данный эпизод, думается, приоткрывает такие черты характера, как честолюбие, непереносимость уязвления самолюбия, несоответствие собственных представлений о себе и оценки со стороны других, настойчивость в самоутверждении. Быть может, не столько учиться хотелось в этой школе, сколько быть не ниже сложившегося мнения о себе и заданного себе уровня.

Возможно, он слишком рано, еще в волостной школе (в возрасте 10 лет) убедился в своем превосходстве и способности наставлять соучеников, что косвенно подтверждается воспоминаниями некоторых сотоварищей К. Улманиса по его первой школе. Так, один из них вспоминал Президента как школьника с «хорошей головой», который математические задачи мог легко в голове решить. Самому же ему математика давалась трудно, и в таких ситуациях учитель К. Цирулис имел обыкновение во время обеденного перерыва подсаживать незнающих к лучшим ученикам. С гордостью Янис Ангис, тогда сидевший за одной партией с К. Улманисом, говорил, кто был его учителем в этом случае.⁵²

Другой же ровесник К. Улманиса, больше всего помнящий о детских забавах, отметил, что в играх «он учил нас и всех расставлял».⁵³ Будучи сыном батрака, он (Карлис Эмбергис) не мог позволить себе заниматься немецким языком, поскольку в условиях русификации школы уроки немецкого стали факультативными, платными и требующими дополнительного времени. По словам К. Эмбергиса, помог К. Улманис, побудил его все-таки учиться немецкому, подарил свою книгу.⁵⁴

Думается, что сама ситуация неравных социальных возможностей и единого пространства коммуникации предрасполагает к отношениям по вертикали (учитель–ученик) и формированию таких личностных качеств, как уверенность в своей правоте (вообще убежденность в наличии чего-либо единственно правильного), в знании должного, потому обязательного для всех, желание учить других, воспринимаемых как предмет своих забот, которые в силу этого не могут быть равными «учителю». «Оборотная» сторона таких характеристик – неспособность к диалогу.

Все точки над «i» в этой истории расставил Э. Дунсдорфс, который нашел документальное подтверждение тому, что К. Улманис не окончил эту школу. Собирая материал к его биографии, он обратился в Лейпцигский университет, и из справки, полученной из его архива, следовало, что К. Улманис обучался в Лейпциге как «Immaturer», т.е. как лицо, не закончившее среднюю школу.⁵⁵

Неизменно повторяющаяся во всех биографиях К. Улманиса, вплоть до авторизованной 1939 г. (см. Приложение 2), информация об окончании им курса реальной школы в Елгаве говорит о том, сколь значим был для него ореол знания (официально признанного). Пиетет перед знанием, доходящий до своеобразного культа, явно или неявно скажется во всех печатных выступлениях К. Улманиса, их содержании и стиле. О том, что ему хотелось представить себя обремененным знаниями (причем непременно удостоенными ученой степени) и потому готовым щедро делиться ими, свидетельствует, например, факт необоснованного приписывания себе ученой степени кандидата агрономических наук.⁵⁶

Единственной же его степенью была степень бакалавра сельскохозяйственных наук, полученная в Университете Небраски после годового обучения в нем в феврале 1909⁵⁷ г. И только в 1934 г. 28 сентября Латвийский университет (создан в 1919 г.) присвоил К. Улманису степень почетного доктора агрономических и экономических наук.⁵⁸ С этих пор приставка «Др.» всегда будет сопровождать имя К. Улманиса. Думается, такая практика указывает на определенную специфику самоутверждения, единственной формой которого представляется официальная/должностная позиция. Т.е. вне разного характера «властного пространства» человек не видит возможностей самореализации, что характерно, по определению Э. Фромма, для авторитарного типа личности.⁵⁹

Вторым «общим местом» в мифе о К. Улманисе является его арест осенью 1905 г., за которым последовало полугодовое содержание в псковской тюрьме. Во всех биографических сочинениях факт ареста остается непреложным, интерпретации же – вариативными. Так, Я. Лапиньш и Ж. Унамс в качестве причины ареста К. Улманиса отмечают опубликованные им в журнале «Valmieras lauksaimnieks» («Сельский хозяин Валмиеры») статьи, направленные против царского самодержавия,⁶⁰ Э. Вирза, подчеркивая невозможность К. Улманиса не реагировать на перемены в социально-политической атмосфере, замечает, что в его речах звучит протест, его статьи в «Baltijas lauksaimnieks» («Сельский хозяин Балтии») – это статьи обвинения. И в результате роста его популярности русское правительство и баронская администрация обращают на него внимание, за чем следует неизбежный арест.⁶¹ А. Янсонс в составленной им в 1937 г. хронологии жизненного пути К. Улманиса фиксирует: «В сентябре 1905 г. арестован. Русское правительство в К. Улманисе усмотрело латышского политика. 6 месяцев прожил в Пскове».⁶² В свою очередь, по мнению А. Франциса, «Карлис Улманис пламенно выступал за права латышей и остро нападал на балтийское дворянство. Поэтому немецкие помещики усмотрели в нем очень опасного противника и добились его ареста уже в сентябре 1905 г.»⁶³ Я. Лапиньш в монографии «Tautas vadoņa Kārlis Ulmanis gaitas un darbs» («Жизнь и труд народного вождя Карлиса Улманиса») представляет арест героя своего повествования вовсе немотивированным, что следует из описания деятельности К. Улманиса осенью 1905 г. в Валмиере: «Поздней осенью 1905 г. агроном К. Улманис явился в Валмиеру, где в ноябре участвовал в осмотре урожая, говорил на различных

собраниях и взялся за обязанности ответственного редактора [журнала] «Lauksaimnieks». ⁶⁴ Но при этом он сообщает некоторые детали ареста: «При приближении карательной экспедиции К. Улманиса арестовывают и отправляют в тюрьму в Псков... Арест произвел начальник местной полиции – латыш, который знал, что Улманис в списке приговоренных к расстрелу». ⁶⁵ И только в авторизованной, официальной версии биографии К. Улманиса он предстал выразителем идеи самостоятельности Латвии, введения полностью латышской школы, за что бывшая тогда в Латвии русская власть его арестовала. Сам факт разночтений в описании весьма важного эпизода в мифологизируемой биографии К. Улманиса ставит под сомнение его активную политическую, социально заметную деятельность в 1905 г. Прояснить ситуацию помогают воспоминания Х. Энзелиньша, который впервые увидел К. Улманиса 17 декабря 1899 г. на созванном Рижским латышским обществом в Риге всеобщем собрании сельских хозяев, где он (Улманис) предложил создавать совместные предприятия производителей молока и начать изготавливать масло для отправки его за границу ⁶⁶, и с этого времени Энзелиньш поддерживал его, приглашая на работу в Валмиеру. По свидетельству Х. Энзелиньша, К. Улманис, во-первых, не мог быть арестован в сентябре, ибо только поздней осенью 1905 г. он начинает свою работу в Валмиере, в Каугурском сельскохозяйственном обществе в качестве агронома ⁶⁷. Здесь он участвует во втором ежегодном осмотре урожая, организованном 12-13 ноября в Валмиере вышеуказанным обществом. 21 ноября его утверждают в должности ответственного редактора журнала «Lauksaimnieks» ⁶⁸ (реально был соредктором).

Как отмечает в своих мемуарных записках Х. Энзелиньш, жизнь в Валмиере текла по-старому, никаких нововведений насильственного характера не вводилось ни в этой, ни в окрестных волостях, тем не менее, и здесь «реакция потребовала жертв». Несмотря на то, что «Улманис лишь раз выступил на каком-то собрании коцениесцев (жителей Коценской волости – Т.К.), и там тоже в умеренном духе», 21 декабря (по ст.ст.) его арестовали и отправили в псковскую губернскую тюрьму. Однако случилось это, по словам Х. Энзелиньша, отнюдь не из-за политической деятельности К. Улманиса: «Он впал в немилость некоторых местных немцев».

Так, Х. Энзелиньш вспоминает день, когда они с К. Улманисом шли по Рижской улице в Валмиере, какой-то торговец-немец через всю улицу громким голосом на немецком языке крикнул: «Смотрите, вон идет этот революционер!» ⁶⁹ Но что же было революционного? Ничего, кроме призывов к крестьянам-латышам заниматься молочным скотоводством, независимо от помещичьих имений, тогда как именно в них оно и развивалось, и объединяться, организовывая совместные предприятия по обработке молока. Лейтмотив речей и статей К. Улманиса того времени: «Работать! Работать!» ⁷⁰

Подобные призывы косвенно задевали хозяйственные интересы немецких помещиков и торговцев; тем более, что выступления К. Улманиса были успешны и популярность его как лектора и инструктора быстро росла. Но при этом отнюдь не все немцы были настроены

враждебно. Как отмечает Х. Энзелиньш, распоряжение об аресте К. Улманиса и отправке его в Псков дал «относительно благожелательно настроенный к латышам помощник уездного начальника фон Гутцейт, для того чтобы спасти его от верной смерти по вступлении в Валмиеру карательной экспедиции». ⁷¹ Из тюрьмы без предварительного следствия и принятия решения К. Улманис был освобожден или в конце марта, или в начале апреля, по сведениям Х. Энзелиньша, и отправился к брату в Земгале, на хутор «Клейши». Но неожиданно в августе 1906 г. было возбуждено дело по поводу 22-го номера журнала «Lauksaimnieks» (за 23 ноября 1905 г.), в котором была опубликована статья, заканчивавшаяся словами «Да здравствует революция». Ответственным редактором журнала был Х. Энзелиньш, и ему предстояло отвечать за эту публикацию. Он сообщил К. Улманису о новых обстоятельствах, в том числе и о том, что как-то ночью к нему явился письмоводитель следователя с письмом, содержание коего компрометировало Х. Энзелиньша. Этот документ уничтожили, написав вместо него другое, безобидное письмо, и перевели его на русский язык. ⁷² Таким образом, преследование скорее грозило Х. Энзелиньшу, который и понес кару за выпуск данного номера журнала: 24 августа 1907 г. Рижский окружной суд приговорил его к штрафу в размере 5 рублей. ⁷³ К. Улманис же в сгущающейся атмосфере возмездия за революцию был «вынужден оставить дорогую родину, отправившись через Финляндию в Германию...» (1906). ⁷⁴ Итак, отнюдь не сознательная политическая борьба К. Улманиса в 1905 г. стала причиной его ареста и эмиграции.

Однако в ситуации 1905 г. К. Улманис проявил незаурядную политическую чуткость, способность схватывать идеи, формулировать, развивать их, согласно меняющейся обстановке, доводить до воплощения в жизнь. Так, в журнале «Lauksaimnieks» за 23 ноября в обширной статье «Pēdējo dienu polikumi» («События последних дней») он дал самое подробное изложение решений, принятых Съездом делегатов волостей Латвии, который проходил в Риге 19-20 ноября. К. Улманис писал: «Съезд высказался за введение широкого самоуправления (автономии) в Латвии, по моему мнению, это решение съезда очень важное. Итак, в дальнейшем не было бы больше в Российском государстве Видземе, Курземе и Витебской губернии, а была бы широкая провинция Латвия, в которую входили бы латышская часть Видземе, Курземе и Инфлянтия». ⁷⁵ Таким образом, в решении данного съезда он нашел идею «собираания латышских земли и народа», которая станет краеугольным камнем всей его последующей политической деятельности.

Реакция К. Улманиса на происходившее, в частности, свидетельствует об экстравертном психологическом типе его личности (по определению К. Юнга), для которого характерно то, что «ориентирование по объекту и по объективно данному преобладает настолько, что чаще всего самые важные решения и действия обуславливаются не субъективными воззрениями, а объективными обстоятельствами». ⁷⁶ Именно такой, преобладающий тип являли собой и латышские сельские хозяева ⁷⁷, составлявшие большинство населения

страны, что, быть может, объясняет, почему К. Улманис окажется на вершине политической власти и станет символом латвийской государственности.

Приложение Биография К. Улманиса⁷⁸

Карлис Улманис. Почетный доктор агрономии и экономики. Основатель и восстановитель Латвийского государства. Президент государства и президент министров с 11/IV 1936; Президент министров: 18/XI 1918–15.VI 1921; XII⁷⁹ 1925 – 4/V 1926; 24/III 1931 – 4/XII 1931; 16/Ш 1934 – 11/IV 1934; Министр иностранных дел: 18/XI 1918 – 28/VI 1919 и.о.; 4/V 1926 – 17/XII 1926; 24/III 1931 – 4/XII 1931; 16/III 1934 – 16/IV 1936; Военный министр: 16/X 1919 – 20/VI 1920; Министр снабжения: 18/XI 1918 – 8/XII 1919; Министр земледелия: 18/XI 1918 – 19/XII 1918 и 13/VI 1919 – 4/IX 1919.

Карлис Улманис родился 4 сентября 1877 г. в Берзе Удзесской волости на хуторе «Пикши», где его отец Индрикис Улманис с супругой Лизете, урожденной Линберге, были хозяевами. Школьную жизнь Карлис начал в 9-летнем возрасте у своего крестного отца учителя Кристапса Цирулиса в Берзеской волостной школе; после этого учился в Александровской городской школе в Елгаве, позднее – в реальной школе, которую окончил в 1896 г. Осенью того же года отправился в Восточную Пруссию и в следующем году окончил там курсы молочного хозяйства. Осенью 1902 г. Карлис Улманис поступил на сельскохозяйственный факультет Цюрихского политехнического института, а начиная с осени 1903 г. продолжил учебу в Лейпцигском сельскохозяйственном институте, который как агроном закончил в 1905 г.

Уже в 1899 г. Карлис Улманис предложил широкое преобразование сельского хозяйства, для того чтобы поднять его доходность. Он советовал латышским сельским хозяевам развивать интенсивное скотоводство и горячо выступал за создание молочного хозяйства. В 1902 г. Улманис организовал и устроил первые молочно-хозяйственные курсы в Берзе, в 1903 г. предложил образование обществ производителей молока и в 1904 г. учредил первые общества контроля за скотоводством в Видземе. В 1905 г. Карлис Улманис был агрономом в Каугурском сельскохозяйственном обществе и редактором журнала «Lauksaimnieks» («Сельский хозяин»). В это время он развивал мысль о самостоятельности Латвии и требовал полностью латышской школы, из-за чего тогдашняя в Латвии русская власть его арестовала и поместила в псковскую тюрьму. После освобождения из тюрьмы Карлис Улманис эмигрировал и в 1906/07 г. был учителем в Аннабергской сельскохозяйственной школе в Саксонии. В 1907 г. он отправился в Соединенные Штаты Америки и для пополнения своих знаний поступил в Линкольнский сельскохозяйственный институт университета Небраски, который окончил в 1909 г. и остался в нем на некоторое время в качестве лектора. В Америке Карлис Улманис работал и как руководитель хозяйственных предприятий. Находясь в Америке, он все время поддерживал живые связи с родиной и посылал статьи в газету «Zeme» («Земля»).

В 1913 г. он вернулся на родину и как агроном работал в Балтийском (ранее Каугурском) сельскохозяйственном обществе, редактировал газету общества «Zeme», читал лекции, призывал латышских земледельцев поднимать культуру сельского хозяйства, любить сельскую жизнь и труд. В 1915 г. Карлис Улманис перешел на работу в Рижское центральное сельскохозяйственное общество. Позднее он трудился также в эвакуационной комиссии, заведовал обеспечением беженцев в Валмиере и даже отправился в Сибирь, чтобы заготовить продовольствие для широких кругов беженцев. В апреле 1917 г. Карлиса Улманиса избрали в Видземский земский совет, а совет в свою очередь избрал его вице-губернатором Видземе. В том же самом месяце Карлис Улманис основал Латышский крестьянский союз, которым руководил все время его существования. После захвата Риги немцами он активно действовал в «демократическом блоке» и вел энергичную идейную борьбу против намерений немцев подчинить латышей немецкой власти. 1 июня 1918 г. вместе с Рижским центральным сельскохозяйственным обществом переехал в Приекули и учредил комитет по оказанию помощи оккупированной Видземе. С 1 июля того же года он принял обязанности редактора журнала «Latvijas lauksaimnieks» («Сельский хозяин Латвии»).

Под руководством Карлиса Улманиса этот журнал приобрел такую популярность, что его пришлось трижды переиздавать. Уже в начале 1918 г. Карлис Улманис предложил объединение всех латышских национальных партий и групп для защиты общих интересов народа и настойчиво проповедовал идею независимости Латвии. После перемирия немцев и союзников 15 ноября 1918 г. Карлис Улманис созвал в Валке Крестьянский съезд, на котором призывал основать Латвийское государство, и вместе с 13 делегатами поехал в Ригу осуществить этот замысел. Благодаря усилиям Карлиса Улманиса уже 17 ноября в Риге образовался Латвийский Народный Совет (Latvijas Tautas Padome), который на следующий день – 18 ноября 1918 г. – провозгласил самостоятельное и независимое Латвийское государство. Народный Совет единогласно избрал первым президентом министров самого горячего и энергичного проповедника и защитника идеи независимости Латвии – Карлиса Улманиса. Президент Карлис Улманис составил Временное правительство, в котором сам взял обязанности министров снабжения, земледелия и до возвращения З. Мейеровицса 28 июня 1919 г. из-за границы – иностранных дел. Главным в своей программе действий Карлис Улманис считал освобождение и укрепление государства, решение продовольственного вопроса, аграрную реформу и восстановление хозяйственной, а также культурной жизни. Он установил связи со многими иностранными государствами, руководил устройством и организацией государственных учреждений, учреждений самоуправления, создал национальную армию и заботился о ее обеспечении, содействовал также образованию организации айзсаргов. Когда Временное правительство из-за перевеса сил противника было вынуждено переехать в Лиепая и работать в очень трудных условиях, Карлис Улманис отдал все свои силы упорной борьбе с оккупационной властью и безразличием части жителей, продолжал труд по формированию государства и созданию

национальных военных сил; дал новому государству необходимые законы, ввел в оборот национальные деньги. Для того чтобы получить поддержку других государств в деле скорейшего освобождения Латвии от врага, Карлис Улманис сам выехал за границу, добился договоренности с Эстонией об организации Северолатвийской армии и заключил договор о первом внешнем займе для нужд военных сил и жителей страны. 13 июля 1919 г. Карлис Улманис составил второе правительство с более широкой политической базой и сам, так же как и в первом правительстве, взялся за исполнение обязанностей министров снабжения и земледелия, а с 16 октября – еще и военного министра. За время своего второго правительства Президент Карлис Улманис благодаря своей несгибаемой воле и настойчивости, а также героизму национальной армии и умелым действиям ее командиров добился освобождения Латвии от немецких войск. 8 декабря 1919 г. Карлис Улманис составил свое третье правительство, наряду с должностью президента взяв также обязанности военного министра. Во время этого правительства Карлиса Улманиса успешно продолжалась работа по строительству государства и национальная армия освободила от врага Латгале. После созыва Учредительного собрания Карлис Улманис 11 июня 1920 г. составил четвертое правительство, которое под руководством Президента разработало проект закона об аграрной реформе, начало подготовительные работы к аграрной реформе, заключило договор о восстановлении отношений с Германией и мирный договор с Советским Союзом, а также договор о реэвакуации беженцев, издал правила о государственных ссудах для восстановления хозяйственной жизни.

15 июня 1921 г. Карлис Улманис оставил обязанности президента министров и больше отдался работе по организации крестьянства и воспитанию народа, параллельно заботясь об улучшении положения в сельском хозяйстве. 18 июня 1922 г. по предложению Карлиса Улманиса учредили фонд культуры. 22 декабря 1925 г. Карлис Улманис вновь принял обязанности президента министров и исполнял их до 4 мая 1926 г., но с 4 мая того же года и до 17 декабря он был министром иностранных дел. С 1925 г. Карлис Улманис, основываясь на широких статистических данных, детально исследовал хозяйственные условия Латвии, всесторонне их осветил и указал пути и средства повышения хозяйственной активности; он также дал указания сельским хозяевам о том, что делать, чтобы производство окупалось. Карлис Улманис старался искоренить нелепые предрассудки о крестьянском труде и подчеркивал, что именно крестьянство есть главная основа и опора существования народа. Для того чтобы уже в юности будить и укреплять любовь к земле и труду, он предложил и поддержал движение мазпулков⁸⁰, взяв на себя обязанности его верховного вождя. Карлис Улманис искал пути и средства повышения материальных и духовных сил народа, стремился установить правильные представления о ценностях и учил, что истинное счастье человека в духовном развитии, честности, вере в свои силы, в служении своему народу.

С 24 марта 1931 г. до 4 декабря 1931 г. Карлис Улманис снова был президентом министров и министром иностранных дел. 16 марта 1934 г. он вновь возглавил

правительство с твердым намерением положить конец в государстве политическим распрям и интригам. Когда ненависть и раскол партий выплились в хаос и стали угрожать свободе и независимости народа, Президент Карлис Улманис 15 мая 1934 г. распустил Саэйму, приостановил деятельность всех партий, создал авторитарное государство единства и встал во главе своего народа. Этот шаг Карлиса Улманиса весь народ воспринял с одобрением. 12 сентября 1934 г. Карлис Улманис как министр иностранных дел заключил договор о дружбе и сотрудничестве Балтийских стран. 11 апреля 1936 г. по закону, принятому правительством, Карлис Улманис принял обязанности президента государства.

Во время возрожденной Латвии Президент Карлис Улманис осуществил широкие реформы во всех областях, поднял хозяйственную активность в государстве на такую высоту, какой никогда до этого не было, ликвидировал безработицу и обеспечил рабочим большой заработок; поставил сельское хозяйство на крепкие основы, с помощью гарантированных цен и преобразования рынка обеспечил окупаемость сельскохозяйственного производства, уравнивал государственный бюджет, устранил дефицит в государственном хозяйстве и ввел справедливое распределение налогов; перестроил и поставил на здоровые основания кредитные хозяйства, облегчил урегулирование прежних долгов, установил активную внешнеторговую политику; ввел рационализацию хозяйственной жизни и исследование и использование богатств собственной страны; издал новые законы для промышленности и ремесла, предложил и содействовал основанию национальных предприятий в важнейших отраслях; способствовал строительству на селе и в городах, предлагая и поддерживая возведение величайших памятников этой эпохи – строительство Кегумской силовой станции, площади Победы, строительство дворца правосудия, а также финансов, восстановление замка памяти Виестурса, строительство шиферной фабрики, многих школ, квартир для сельскохозяйственных рабочих и других строений.

Для того, чтобы все творческие силы народа привлечь к активному труду по строительству и укреплению обновленного государства, Карлис Улманис создал камеры торговли и промышленности, литературы и искусства, сельского хозяйства, ремесла, труда и профессий, так же, как и советы государственного хозяйства и культуры.

По указаниям Президента Карлиса Улманиса издан новый закон о совместной деятельности, способствующий оздоровлению этой важной отрасли, учреждены фонд совместной деятельности и фонд защиты вкладов. С большой дальновидностью Президент Карлис Улманис способствовал возрождению и развитию латышской духовной культуры. Он оживил национальную идеологию и внедрил ее, ввел изучение прошлого нашего народа с точки зрения латышей, вывел на свет и почет древние латышские добродетели, заботился о распространении знаний в народе и как истинный воспитатель народа укреплял его этические основы. Карлис Улманис учредил Институт истории, фонд награды Отечества и учебный фонд для обеспечения нормального процесса обучения воспитанников высших школ. Такой учебный фонд является единственным в мире. Чтобы приблизить школу

к народу и реальной жизни, издан новый закон об образовании. Большие ценности (1,7 млн. книг и 1,4 млн. лат денег) дал школам. «Дружеский призыв» Карлиса Улманиса от 28 января 1935 г. содержал обращение к согражданам вспомнить о своей первой школе и помочь ей книгами и другими подарками. Карлис Улманис предложил и поддержал устройство выставок картин, а также награждение писателей и деятелей печати. По предложению и под руководством Президента издан гражданский закон – монументальнейший памятник в области права не только за время существования Латвии, но и за всю историю латышского народа. С 15 мая 1934 г. до 15 мая 1939 г. Президент Карлис Улманис разработал более 1000 новых законов. Президент способствовал взаимопониманию и сотрудничеству Балтийских государств, соблюдал строгий нейтралитет в межгосударственных отношениях, укреплял нашу армию и обеспечил безопасность в государстве.

В 1919 г. Латвийский университет избрал Карлиса Улманиса своим почетным членом, а в 1934 г. – почетным доктором агрономических и экономических наук как лучшего знатока народного хозяйства Латвии, прокладывающего новый самостоятельный путь в аграрной и хозяйственной политике. Академия художеств и Консерватория также избрали Карлиса Улманиса своим почетным членом.

Бесчисленное количество раз Президент Карлис Улманис посетил все края Латвии, он очень хорошо знает сельские дворы и тружеников в деревне и городах. Всю свою жизнь Карлис Ульманис трудился на благо латышского народа, все свои силы принес в жертву строительству, созданию и укреплению Латвийского государства. Президент Карлис Улманис тесно сросся с родной землей, со своим народом и государством.

Авторизованная статья для Альманаха «Русский мир и Латвия». Полностью читайте в сб. Россия и Балтия. М., 2006 г. Под «мифом» имеется в виду сопряженный с ритуалом (набором известных обязательных действий) нарратив (в устной, письменной или симбиозной формах бытования), содержание и структура которого воплощает определенный способ мировосприятия/понимания и как манифестирует, так и актуализирует определенные представления о мире и человеке, кои в силу их регулярной тиражируемости становятся стереотипами, глубоко оседающими в человеческом подсознании и потому регулирующими в той или иной мере (но всегда) поведение индивидов и групп.

¹ См.: *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2000.

² Один из свидетелей катастрофических событий рубежа XIX-XX вв., сравнив Мировую войну с тяжелой горой, скрывшей прошлое и не только открывшей, но и начавшей формировать будущее, заметил, что в результате войны и последовавшей революции мир стал нищим, а люди наполнились злобой и мщением. (*Kundziņš K.* Mana mūža gājieni: Atmiņas un arcerējumi. Rīga, 1935. 237. lpp.)

³ Саэйма (Saeima) – правильное название латвийского парламента, обычно называемого в России «сеймом».

⁴ *Lejiņš J.* Mana dzimtene: Atmiņu un pārdomu atspulgā.

Vasteras, 1971. 244. lpp. Место и время смерти К. Улманиса будет установлено лишь в 90-е годы XX в. Он умер 20 сентября 1942 г. в больнице тюрьмы № 2 г. Красноводска (Туркменская ССР). Погребен на тюремном кладбище, но место его могилы неизвестно.

⁵ DUMV, 21.

⁶ DUMV, 143.

⁷ *Ulmanis K.* Jaunatnei: Rakstu izlase un izvilkiumi pamatskolai. J. Lapiņa sakopojumā. Rīga, 1938. 140. lpp.

⁸ Ibid. 12.-17. lpp.

⁹ *Ministru prezidenta uzruna latvju tautai // Valdība un tauta.* Rīga, 1934. 7. lpp.; См.: так же: *Ministru prezidenta Dr. K. Ulmaņa runa radiofonā 1934. g. 18. maijā // Raksti par jauno valsti Ministru prezidenta Dr. K. Ulmaņa trīs runas un Kultūras fonda godalgotie ievadraksti.* [Rīga], 1935. 3. lpp.

¹⁰ См., например, написанный и изданный в 1948 г. в Стокгольме труд, автор которого А. Спекке, сознательно вступивший в 1928 г. в Латышский крестьянский союз (партия К. Улманиса), не выделяет этот, казалось бы, эпохальный период в истории Латвии (*Spekke A.* Latvijas vēsture. Rīga, 2003. 316.-333. lpp.).

¹¹ Так, судя по протоколу XIX съезда Латышского крестьянского союза (3-4 марта 1934 г.) восьмым пунктом в повестке дня стоял «доклад поэта Вирзы» и говорил он о том, что нужно «реставрировать те принципы нашего народа, которые формировали жизнь наших крестьян», и что «реорганизация латышского народа по этим принципам потребует большого духовного режима» (ЛГИА. Ф. 3282. Оп. 1. Д. 29. Л. 8).

¹² *Virza E.* Kārlis Ulmanis. Rīga, 1935.

¹³ *Virza E.* Kārlis Ulmanis. Kopenhāgena, 1955.

¹⁴ См., например: *Francis A.* Latviešu tautas vadoņa 60 gadi: Valsts un ministru prezidenta Dr. Kārļa Ulmaņa dzīve un darbi // *Aizsargs* 1937. 9. burtnīca; *Bērziņš A.* Kārlis Ulmanis; *Cilvēks un valstsvīrs.* [b.v.], 1974; *Dunsdorfs E.* Kārļa Ulmaņa dzīve: Ceļinieks. Politīkis. Diktators. Mocekļis. Tumba, 1978. Последний автор демонстрирует образец критического подхода к источникам.

¹⁵ *Es viņu pazīstu: Latviešu biogrāfiska vārdnīca.* Grand Haven. Michigan, 1975. 531. lpp. Первое издание этого биографического словаря вышло в 1939 г.

¹⁶ *Vecgravis V.* Ceļš uz «Straumēniem» un to autoru // *Virza E.* Straumēni. Rīga, 1989. 226. lpp.

¹⁷ *Es viņu pazīstu.* 294. lpp.

¹⁸ Ibid. 189. lpp.

¹⁹ Ibid. 166. lpp.

²⁰ Ibid. 504. lpp.

²¹ Ibid. 110. lpp.

²² См. о «насилии» средств массовой информации над человеческим сознанием, например: *Добычин Л.* Ерыгин // *Добычин Л.* Город ЭН. Рассказы. М., 1989. С. 142; *Evans R.J.* Dialogue with Erich Fromm. N.Y., 1966. P. 28: «Мы видим, что многие люди никогда не думают. У них есть иллюзия, что они думают, но на самом деле это "оно" думает в них. Что это за "оно" спросите вы? Средства массовой информации...» {цит. по: *Ждан А.* Основные направления и тенденции в развитии зарубежной психологии в 30–60-е годы XX века // *История зарубежной психологии: тексты.* М., 1986. С. 24). Подобное влияние массмедиа на сознание человека способствует актуализации восходящих к мифу ментальных установок.

²³ *Es viņu pazīstu.* 504. lpp.

²⁴ Unams Ž., Lapiņš J. Tautas Vadonis Kārlis Ulmanis. Rīga, 1934.

²⁵ Francis A. Latviešu tautas vadoņa 60 gadi // Kārļa Ulmaņa 60 gadi: Svētku raksti. Rīga, 1938. 13.-106. lpp.

²⁶ Францис А. Карлис Улманис: Вождь латвийской нации. Его жизнь и труды на благо Латвии // Газета для всех. 1939. 23 апр. и далее.

²⁷ Подтверждением особой привязанности к своей первой школе является тот факт, что уже на второй день после прозвучавшего 28 января 1935 г. «Дружеского призыва» к народу помогать школам, он отправил в Берзмуйжскую 6-летнюю основную школу дар из 84 книг и 1 картины (см.: *Straubergs J. un K. Bērzmuiža un viņas vēsture*. Rīga, 1937. 338. lpp.).

²⁸ См., например: *Virza E. Kārlis Ulmanis*, 15. lpp.; *Francis A. Latviešu tautas vadoņa 60 gadi*. 1937//Aizsargs. 1937.9. burt. lpp. и др.

²⁹ О подобной жизненной установке, модели мира, отношении говорят все его опубликованные статьи и речи (см., например: *Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas: Izlase / Sakorojīs J. Druva*. Rīga, 1935), его выступления на конференциях и съездах партии, вплоть до суждения, сформулированного им уже в 1940 г. в Ворошиловске, когда ему пришлось по настоянию специально для этой цели присланных работников Наркомата внутренних дел письменно излагать об антисоветской деятельности правительства Латвии и лично его: «...люди не хотят, чтобы их осчастливили сверху, но сами хотят быть активными участниками улучшения своей жизни. Со временем все бы упорядочилось» (см.: *Kārlis Ulmanis trimdā un cietumā*. 323. lpp.).

³⁰ *Unams Ž., Lapiņš J. Tautas vadonis Kārlis Ulmanis*. 14. lpp.

³¹ Ibid. 6. lpp.

³² Ibid. 5. lpp.

³³ Ibid. 5. lpp.

³⁴ Ibid. 57. lpp.

³⁵ Ibid. 51 lpp.: «Улманис – это величайший панегирист труда латышей, стремящийся, социально и этически оправдать труд и создать этику труда».

³⁶ Ibid. 53., 56. lpp.

³⁷ См.: *Фромм Э. Бегство от свободы*. М, 1990. С. 147.

³⁸ *Unams Ž., Lapiņš J. Tautas vadonis Kārlis Ulmanis*. 55. lpp.

³⁹ Ibid. 56.-57. lpp.

⁴⁰ Ibid. 60. lpp.

⁴¹ *Pirmais gads 1934. 15. V.-1935. 15. V.* Rīga, 1935. 107 lpp.

⁴² Так, в первый год он девять раз, в сопровождении членов правительства или без них, выезжал в разные районы страны, не ограничиваясь во время поездки посещением лишь одного, например, города (см.: Ibid. 21.-31. lpp.).

⁴³ См.: *Брак у народов Северной и Северо-Западной Европы*. М., 1990. С. 24.

⁴⁴ Там же. С. 52.

⁴⁵ Ср. устное свидетельство о посещении К. Улманисом в 1936 г. Латгале: «Это было в августе, я по цветам знаю. Мы все стояли *шпалерами* вдоль края дороги. Он ехал со стороны Малты, и мы стояли все в белых платьях с гладиолусами в руках...» (DU MV, 135).

⁴⁶ Показательно, что в годы Первой Латвийской республики при встрече главы правительства обычно

возводили «врата почета» (см., например: *Lejiņš J. Mana dzimtene*. 44. lpp.).

⁴⁷ *Lapiņš J. Tautas vadona Kārļa Ulmaņa gaitas un darbs // Uzvaras ceļš*. Rīga, 1939. 22. lpp., и др.

⁴⁸ *Virza E. Kārlis Ulmanis*. 19. lpp.; *Francis A. Latviešu tautas vadoņa 60 gadi*. 573. lpp.

⁴⁹ *Virza E. Kārlis Ulmanis*. 19. lpp.

⁵⁰ *Lapiņš J. Tautas vadona Kārļa Ulmaņa gaitas un darbs*. 22.-25. lpp.

⁵¹ *Žuņiņš V. Bērzmuižnieku atmiņas par K. Ulmarja bērniību // Kārļa Ulmaņa 60 gadi*. 115. lpp.

⁵² Ibid. 112. lpp.

⁵³ Ibid. 113. lpp.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve*. 27, 41. lpp..

⁵⁶ См.: *Francis A. Latviešu tautas vadoņa 60 gadi*. 576 lpp.; *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve*. 47. lpp.

⁵⁷ *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve*. 66.-67. lpp.

⁵⁸ *Pirmais gads 1934. 15. V.-1935. 15. V.* 26. lpp.

⁵⁹ См.: *Фромм Э. Бегство от свободы*.

⁶⁰ *Unams Ž., Lapiņš J. Tautas Vadonis Kārlis Ulmanis*. 12. lpp. Заметим, что название журнала в то время было «*Lauksaimnieks*».

⁶¹ *Virza E. Kārlis Ulmanis*. 26. lpp.

⁶² *Jansons A. Dr. K. Ulmaņa dzīves zīmīgākie dati*. 373. lpp.

⁶³ *Francis A. Latviešu tautas vadoņa 60 gadi*. 576. 577. lpp.

⁶⁴ *Lapiņš J. Tautas vadona Kārlis Ulmanis gaitas un darbs // Uzvaras ceļš*. Rīga, 1939. 27. lpp.

⁶⁵ Ibid.

⁶⁶ *Enzeliņš H. Manas atmiņas // Kārļa Ulmaņa 60 gadi*. 120. lpp.

⁶⁷ Ibid. 122. lpp.

⁶⁸ Однако, как обнаружил Э. Дунсдорфс, до ареста 69 Улманиса 20 декабря 1905 г. журнал «*Lauksaimnieks*» подписывал к печати в качестве ответственного редактора Х. Энзелиньш (*Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve*, 49. lpp.).

⁶⁹ *Enzeliņš H. Manas atmiņas*. 123. lpp.

⁷⁰ *Ulmanis K. Lopkopība mūsu muižās un viņas iespaids uz mazgruntnieku lopkopību // Ulmanis K. Sabiedriskie raksti un runas: Izlase [1. sej.]*. Rīga, 1935. 19. lpp. См. также: *Kopdarīlbas spēks (1902) // Ibid*. 17 lpp.

⁷¹ *Enzeliņš H. Manas atmiņas*. 123. lpp.

⁷² Ibid.

⁷³ *Dunsdorfs E. Kārļa Ulmaņa dzīve*. 49. lpp.

⁷⁴ *Enzeliņš H. Manas atmiņas*. 123. lpp.

⁷⁵ *Ulmanis K. Pēdējo dienu nolikumi // Lauksaimnieks*. 1905. N° 22. 213. lpp. Инфлянтя от польского названия Латгале «Инфлянты».

⁷⁶ *Юнг К. Психологические типы*. М., 1996. С. 406.

⁷⁷ См.: *Кузнецова Т. Латышский крестьянский союз – знакомый незнакомец*. Даугавпилс, 2003.

⁷⁸ *Kārlis Ulmanis // Es viņu pazīstu*. 501-504. lpp. В переводе учитывались особенности лексики оригинального текста, свидетельствующие о специфике ментальности латышей.

⁷⁹ С. 24/XII. См.: *Jansons A. Dr. K. Ulmaņa dzīves zīmīgākie dati // Kārļa Ulmaņa 60 gadi: Svētku raksti*. Rīga, 1938. 376. lpp.

⁸⁰ Внешкольные организации сельскохозяйственного характера, возраст членов которых колебался от 8 лет до 21 года.

⁸¹ Виестурс – правитель Тервете и Земгале на рубеже XII–XIII в.в.